

Н. С. ЛЕСКОВ
и традиция русского романа
в мировом контексте

Editor Ivo Pospíšil

Ústav slavistiky FF MU
Brno 2020

Recenzovali:
Prof. Natália Muránska, PhD.
Prof. dr. hab. Roman Mnich

KATALOGIZACE V KNIZE – NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

N. S. Leskov i tradicija ruskogo romana v mirovom kontekste (kolokvium)
(2019: Brno, Česko)

N. S. Leskov i tradicija ruskogo romana v mirovom kontekste / editor Ivo
Pospíšil. – 1. vydání. – Brno: Ústav slavistiky FF MU, 2020. – 196 stran

Částečně slovenský text, anglická, ruská a slovenské resumé

„Vydal Jan Sojnek – Galium“ – Tiráž – Sborník příspěvků ze stejnojmenného
kolokvia vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU ve spolupráci s Českou
asociací slavistů a Slavistickou společností Franka Wollmana. – Obsahuje
bibliografie a bibliografické odkazy

ISBN 978-80-88296-11-9 (Jan Sojneků– Galium; brožováno)

* 821.161.1-31 * 82.09 * 82.07 * (048.8:082)

– Leskov, Nikolaj Semenovič, 1831–1895

– 19. století

– ruský román – 19. století

– literárněvědné rozbory

– interpretace a přijetí literárního díla

– kolektivní monografie

821.161.1.09 - Ruská literatura (o ní) [11]

Vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU
ve spolupráci s Českou asociací slavistů
a Slavistickou společností Franka Wollmana.

Vychází s finančním přispěním grantu MU
Podpora mezinárodních doktorských škol.
Jazyková korektura Mgr. Taťjana Zaňko.

© Ústav slavistiky FF MU, 2020

ISBN 978-80-88296-11-9

Obsah

Лесков и роман. Несколько слов вместо предисловия (*Иво Поспишил*) . . . 5

Ольга Червинская, Роман Дзык

Топографический портрет Киева: жанровая специфика текста

Н. Лескова «*Печерские антики*» 11

Надежда Юрьевна Данилова

Литературные источники хроники Н. С. Лескова «*Захудалый род*» 29

Роман Дзык

Украинская лексика в «*Печерских антиках*» Николая Лескова 39

Татьяна Владимировна Юрьева

«Для нас, духовных, нет защитников»: отражение взаимоотношений
духовенства и светской власти в пореформенной России

в романе-хронике Н. С. Лескова «*Соборяне*» 67

Галина Косых

Романы Н. С. Лескова в рецепции литературной критики 75

Наталья Лукьянчикова

Художественная репрезентация образа нигилистки

в романе-хронике Н. С. Лескова «*Соборяне*» 93

Pavol Markovič

Leskovova „črta“ *Lady Macbeth* ako príklad kultúrneho a žánrového presahu 101

Татьяна Юрьевна Мельник

Культурные смыслы литературного текста (*Запечатленный ангел*

Николая Лескова) 109

Наталья Никоряк

Леди Макбет Мценского уезда: интермедиаальный диалог

Р. Балаяна с Н. Лесковым 125

Ленка Паучова

Жанровая специфика дневника Туберозова в структуре

романа-хроники *Соборяне* 141

Иво Поспишил

Лесков и теория романа 149

Светлана Родонова

Лексика со значениями «сватовство» и «супружество»

в *Жемчужном ожерелье* Н. С. Лескова 159

Алла Шелаева

О западноевропейских корнях русского романа: Проблемы

«второго пола» в романе Н. С. Лескова «*Чертовы куклы*» и рецепты

их решения 165

Ирина Шустина

Эпитеты как средство создания портретной характеристики главной

героини повести Н. С. Лескова *Леди Макбет Мценского уезда* 175

Леонид Выскочков

Крымская война в произведениях Н. С. Лескова 185

Роман Дзык (Черновцы)

Украинская лексика в «Печерских антиках» Николая Лескова

Абстракт

Рассмотрена история изучения специфики художественной речи Николая Лескова с особым акцентом на ее украинской составляющей. Проанализированы существующие концепции выявления, функционирования и систематизации украинской лексики в произведениях данного писателя. В этом аспекте сопоставляются наличествующие примечания к «Печерским антикам». Сравнение первого варианта, напечатанного в «Киевской старине», с версией, отредактированной для прижизненного собрания сочинений (основой для всех последующих изданий), обнаружило ряд изменений в употреблении украинской лексики. Собраны и систематизированы случаи использования украинской лексики в «Печерских антиках». Затронута проблема перевода данной лексики на украинский язык на примере трех существующих переводов. Основной вывод: «Печерские антики» являются неотъемлемой составляющей и украинского литературного процесса.

Ключевые слова: Николай Лесков, «Печерские антики», украинская лексика, украинизмы, сказ, перевод, русско-украинский литературный процесс

Abstract

Ukrainian Lexis in “Pechersky Antics” by Nikolai Leskov

The article under discussion considers the history of the study of the peculiarities of Nikolai Leskov’s literary speech, with a special emphasis on its Ukrainian component. The current concepts of revealing, functioning and systematizing the Ukrainian vocabulary in the writer’s works are also analyzed. There has been carried out a comparison of the notes to “Pechersky Antics”, pointing to the Ukrainian vocabulary. A number of changes were found in relation to this lexis as a result of comparing the first version, printed in “Kievskaya Starina”, and the edited version in the intravital collected works, which became the basis for all subsequent editions. Cases of the use of Ukrainian vocabulary in “Pechersky Antics” are collected and systematized. The problem of translating this vocabulary into the Ukrainian language on the example of three existing translations is touched upon.

Key words: Nikolai Leskov, “Pechersky Antics”, Ukrainian vocabulary, Ukrainianisms, skaz, translation, Russian-Ukrainian literary relations

В юбилейной статье 1931 г. Бориса Эйхенбаума, предварявшей избранные произведения Николая Лескова, констатировалось: «*При всем разнообразии критических суждений, высказанных и высказываемых о Лескове, одно утвердилось давно и прочно: Лесков отличается особым мастерством языка. При этом имеется в виду не стиль вообще, а прежде всего именно язык — то есть самый словесный состав, самый словарь его произведений*»¹. Ученый, подводя итог предыдущим интерпретациям, в основном обвинявшим Лескова в языковой «чрезмерности», переводит проблему в иную плоскость. Решительно отказываясь признавать языковую «чрезмерность» свидетельством «второстепенности» писателя, ведущий представитель формальной школы усматривает в ней некую литературную внесистемность, говоря о том, что «*Лесков не укладывался в основную литературную систему 60–80-х годов, потому что в нем резко проявлялся особый вкус к слову, к языку*»². Эйхенбаум определяет этот «особый вкус» как «художественный филологизм», который, с одной стороны, связывает Лескова с «эпохой русского начального филологизма» (Даль, Вельтман, Сенковский и др.)³, а с другой — находит через него продолжение в таких писателях, как Чехов, Хлебников и др.⁴

Раскрывая смысл «художественного филологизма» Лескова, Эйхенбаум останавливается на одной, особенно интересной для нас, его составляющей: «*К этому надо еще прибавить, что его настоящая духовная родина — Киев, в котором он прожил с 1849 до 1861 года, а Киев был тогда по культуре совсем не русским, а польско-украинским городом. Живя в нем, Лесков хорошо усвоил польский и украинский языки. [...] „Демократизм“ его первых вещей, противопоставленных русскому „народничанью“, идет скорее всего от польской литературы — от Иордана и любимого им Сырокомли. Из русских писателей ему особенно мил Гоголь, но вовсе не как родоначальник „натуральной школы“, а как искусный рассказчик — и притом с украинской, очень ценимой Лесковым, речевой закладкой*»⁵. Я говорил о киевском филологизме 50-х годов; надо полагать, что и это движение, захватившее университет (Николай). Костырь, не прошло мимо Лескова»⁶. Именно Эйхенбаум сыграл первостепенную роль

¹ ЭЙХЕНБАУМ, Б.: «Чрезмерный» писатель: (К 100-летию рождения Н. Лескова). In: Эйхенбаум, Б.: О прозе. Ленинград: Художественная литература, 1969, с. 327.

² Ibidem.

³ Ibidem, с. 330–332.

⁴ Более подробно см.: ЭЙХЕНБАУМ, Б.: Лесков и современная проза. In: Эйхенбаум, Б.: О литературе. Москва: Советский писатель, 1987, с. 409–424.

⁵ Тут Эйхенбаум ссылается на: ФИЛИПОВИЧ, П.: Український елемент в творах М. Лескова. In: Лесков, М.: *Вибрані твори*. [Київ]: Книгоспілка, 1929[1928], с. VII–XXXVII.

⁶ ЭЙХЕНБАУМ, Б.: «Чрезмерный» писатель: (К 100-летию рождения Н. Лескова), с. 336.

в литературоведческой «реабилитации» имени Лескова⁷, обращая внимание на язык произведений писателя, в частности и его украинскую составляющую. Следует также отметить огромное значение Максима Горького в советской «переоценке» наследия Лескова с акцентом именно на его языковом мастерстве⁸.

Украинская лексика произведений Лескова впервые становится специальным объектом изучения у тех исследователей, которые затрагивают проблему связей русского писателя с Украиной и украинской культурой. Начало подобным разысканиям положила заметка Соломона Рейсера «Лесков и украинская культура» (1927)⁹, хотя, следует отметить, что об украинском языке у Лескова писал еще в 1923 году Александр Белецкий в книге «Н. С. Лесков. Личность, творчество», где, в частности, утверждалось, что Лесков «лучше многих других великорусских писателей владел украинской речью»: «„Некрещеный поп“, „Печерские антики“ пересыпаны украинскими словами и оборотами, и почти сплошь на своеобразном русско-украинском языке написана повесть „Заячий ремиз“»¹⁰. К сожалению, эта книга длительное время оставалась неопубликованной¹¹.

В упомянутой статье Рейсера были определены основные векторы всех последующих исследований в этом направлении. Отмечая «тесную связь с Украиной», «пылкую любовь к Киеву», «пребывание в тесном окружении близкой к университету, самой культурной и передовой интеллигенции, настроенной в основном по-украинофильски», Рейсер констатирует «вполне

⁷ См.: MARCADÉ, J.-C.: *La réception de Leskov par V. M. Èjxenbaum*. In: *Revue des études slaves*. 1985, vol. 57, no. 1: V. M. Èjxenbaum: la mémoire du siècle, pp. 159–168.

⁸ См.: КОМПАНИЕС-BARSOM, V.: *Идеологическая дилемма: место Лескова в советской литературной критике*. In: *Revue des études slaves*. 1986, vol. 58, no. 3: Nikolaj Semenovič Leskov, pp. 393–400.

⁹ РЕЙСЕР, С.: *Лесков та українська культура*. In: *Записки історично-філологічного відділу Української академії наук*. 1927, кн. XV, с. 200–211. Соломон Рейсер (1905–1989) по окончании Киевского университета в 1926 г. стал активным участником семинария Эйхенбаума по изучению литературного быта (см.: ЕГОРОВ, Б.: С. А. Рейсер как литературовед и текстолог. *К 100-летию со дня рождения*. In: *Звезда*. 2005, № 7), а впоследствии участвовал в редактировании собрания сочинений Лескова. В указанной статье Рейсер выражает благодарность Эйхенбауму за «ряд ценных указаний» (с. 201).

¹⁰ БЕЛЕЦКИЙ, А.: *Рассказы и очерки Н. С. Лескова*. In: Билецкий, О.: *Зібрання праць*. У 5 т. Т. 4: Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. Київ: Наукова думка, 1966, с. 409–410.

¹¹ См.: ГАБЕЛЬ, М.: *Академик А. И. Билецкий — исследователь Н. С. Лескова*. In: *Литературное наследство*. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. Москва: Наука, 1977, с. 631–655. Отдельная глава «Рассказы и очерки Н. С. Лескова» была напечатана в собрании сочинений в 1966 году. Полностью книга увидела свет лишь в 2003 году (БЕЛЕЦКИЙ, А.: *Н. С. Лесков. Личность. Творчество*. Киев, Симферополь: Крымский Архив, 2003).

естественные связь и близость Лескова к украинской культуре»¹² и добавляет, что «на эту связь до сих пор не обратили внимания историки ни русской, ни украинской литературы — связь тем временем очень важную, если изучать его творчество»¹³. Указывая на близкое знакомство Лескова с Опанасом Марковичем (которому он, по собственному признанию, «обязан всем своим направлением и страстью к литературе»), Марко Вовчок, Тарасом Шевченко, Николаем Костомаровым¹⁴, исследователь акцентирует внимание именно на творчестве писателя, в котором «не сложно найти следы того, что он имел дело с украинской культурой, прежде всего языком»¹⁵. Отметим, что уже в этой первой работе о связях Лескова с украинской культурой именно на языке сделан особый акцент.

Рейсер первым предметно обращает внимание на украинизмы в творчестве Лескова: «Следствием того, что Лесков сталкивался с украинским языком, появились отдельные отголоски в его творчестве. В написанных по-русски произведениях, где Лесков выразительно заботился о стиле, у него в ряде отдельных случаев проскальзывают славянизмы и украинизмы»¹⁶. Сосредотачиваясь на украинизмах, ученый сознательно ограничивает рассматриваемый материал: «Я отмечаю, конечно, только те, которые характерны именно как украинизмы, вошедшие в русский язык Лескова, потому что в ряде иных его писаний („Пань Вишневіскій“, „Печерські антики“...) украинизмы введены умышленно и они выполняют роль „характеризующей“ лексики, именно поэтому я сознательно обхожу весь тот богатейший материал, содержащийся в „Заячьемъ Ремизь“. Вообще трудно сказать, на каком языке написано это произведение — на русском или украинском»¹⁷. Объяснение «характеризующей» лексики представляется особо ценным в теоретическом плане: «Под ней в отличие от „автолексики“ я понимаю ту лексику, которую употребляет автор для того, чтобы охарактеризовать тот или иной персонаж, его язык, отдельные моменты в действии и пр., но в основной лексический авторский багаж она не входит. А, впрочем, такое разделение можно отрицать. Ведь по сути автор не может выйти за пределы своей лексики и, апперцепируя новый лексико-синтаксический материал, автор вводит его тем самым в состав основного»¹⁸. Различение «автолексики»

¹² РЕЙСЕР, С.: *Лесков та українська культура*, с. 201–202.

¹³ Ibidem, с. 202.

¹⁴ Ibidem, с. 202–204.

¹⁵ Ibidem, с. 204.

¹⁶ Ibidem, с. 204.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

и «характеризующей лексики» остается основанием для последующих систематизаций украинской лексики в произведениях Лескова.

Ограничиваясь «автолексикой», исследователь приводит следующие примеры украинизмов у Лескова: «... *быль недоволенъ на одного польскаго графа*», «... *началь вырубать слово отъ слова еще чаще*», «*подперся въ боки руками*», «*хотя съ одного боку дворянинъ*», «*через что*», «...*к которые уже давно оповъданы*», «... *в такомъ разъ*», «*служить Богови*», «*занотую*», «... *изнавести*», «*маетности*», «*огромные штучные, французскіе жернова*», «*смяга*», «*мовня*», «*карда*», «*орчакъ*»¹⁹. Рейсер уточняет, что некоторые примеры могут быть спорными, однако «*исследователь, который возьмет на себя задачу специально выяснить, в какой мере повлияла на Лескова украинская языковая стихия, сможет, конечно, представленный здесь материал во много раз увеличить и углубить*»²⁰.

Подобное «углубление» обнаруживается в развернутом предисловии Павла Филиповича к избранным произведениям Лескова в переводе на украинский язык (1929[1928])²¹. Констатируя возрождение интереса к Лескову в России и за границей (о чем свидетельствовало возрастающее количество переводов на иностранные языки), Филипович объяснял необходимость издания украинских переводов, в частности, тем, что «*в ряде произведений Лескова очень много украинского элемента*», и во вступительной статье ставил перед собой задачу «*выяснить связь Лескова с Украиной и осветить украинский элемент в его творчестве*»²². Не вдаваясь в подробный анализ интересной и обстоятельной реализации данной задачи, отметим лишь касающееся нашей проблемы.

Украинский язык, безусловно, является одной из важнейших составляющих рассматриваемого Филиповичем «украинского элемента». Автор предисловия не только указывает на явственное употребление Лесковым украинской лексики, связанное с его биографией, но и пытается выяснить историческую достоверность и художественную функциональность данного явления, опираясь на записанные Анатолием Фаресовым известные слова самого Лескова: «*Постановка голоса у писателя заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с алтьов на басы. В себе я старался развить это умение и достиг, кажется, того, что мои священники говорят по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки из них и скоморочи — с выкрутасами и т. д.*».

¹⁹ Ibidem, с. 204–205.

²⁰ Ibidem, с. 205.

²¹ ФИЛИПОВИЧ, П.: *Український елемент в творах М. Лескова*.

²² Ibidem, с. XI.

«Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по своему, а не по литературному»²³. Из чего Филипович делает важный вывод: «Поэтому, когда мы встречаем в различных произведениях Лескова персонажей — не только из простонародья, но и из средних слоев и интеллигенции (в „Старинных психопатах“, из высшего дворянства), употребляющих украинский язык, иногда с примесью русского, или русский язык с многочисленными украинизмами, то можно верить, что подобные фигуры писатель встречал и аналогичные разговоры слышал. И не решая здесь, в какой мере Лесков изменял „язык практического употребления“ на „язык поэтический“ (проблема вообще тяжелая и не разработанная), констатируем только, что он, такой внимательный к речи своих героев и героинь, для целого ряда персонажей считал естественным язык украинский»²⁴. В то же время Филипович предостерегает от «наивно-реалистического подхода» к художественным произведениям как непосредственным картинам действительной жизни и при рассмотрении украинского элемента в творчестве Лескова призывает фиксировать «житейское» и «литературное»²⁵. Обычно украинский элемент используется русским писателем для представления образов, которые «или смешат, или трогают, или смешат и трогают»²⁶. Здесь также отмечено, что «и в произведениях, где украинской тематики и образов нет, случаются у Лескова украинизмы, напр., „хвороба“, „шкандибал“, „прогавкал“, „свариться“, „шаха“, „занотую“, „покоївка“»²⁷.

Немало ценных наблюдений об употреблении украинской лексики в произведениях Лескова содержит монография Левка Левандовского «Н. С. Лесков и украинская литература» (1980)²⁸, где, в частности, утверждается, что «представление об этом писателе будет далеко не полным, если не учесть его тесных связей с Украиной и украинской литературой», поскольку Украина «стала для Лескова будто литературной колыбелью»: «Многие его произведения выросли на лучших традициях как российской, так и украинской культуры. Поэтому вполне закономерным является и то, что во многих произведениях Лесков показал наряду с русскими украинцев, а вместе с русским пользовался

²³ Ibidem, с. XV. Более подробно см.: ФАРЕСОВ, А.: *Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем*. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1904, с. 273–275.

²⁴ ФИЛИПОВИЧ, П.: *Український елемент в творах М. Лескова*, с. XV.

²⁵ Ibidem, с. XXXII.

²⁶ Ibidem, с. XXXIII.

²⁷ Ibidem, с. XXXVII.

²⁸ ЛЕВАНДОВСЬКИЙ, Л.: *М. С. Лесков і українська література*. Київ: Дніпро, 1980.

языком украинским»²⁹. Указывая на особое внимание Лескова к «живой, разговорной речи», Левандовский усматривает в этом «источник метких украинских слов и других языковых элементов, которые писатель широко вводит в свои произведения, умело переплетая с русскими»³⁰. Ученый также отмечает, что «Лесков эстетически мотивировано и в меру пользовался диалектизмами и такими специфическими оборотами, которые характерны только для украинской разговорной речи»³¹.

Разбирая характерный фрагмент из «Заячьего ремиза», Левандовский отмечает, что «специфика украинского разговорного языка — небольшие фразы, в составе которых часто встречаются частицы „авжеж“, „що“, вопросительное местоимение „як“, специальная звательная форма, сохранившаяся в украинском языке — „вражий синє“, здесь, как и во многих других случаях, в общем верно передана писателем»³², из чего следует вполне обоснованный вывод: «Чтоб все это воспроизвести, надо было хорошо знать не только отдельные лексические особенности, но и синтаксический строй украинского языка. Лесков правильно понимал значение использованных украинских слов и выражений»³³. Соответственно, Левандовский выделяет несколько характерных черт использования писателем украинского языка. Как правило, «Лесков украинские буквы передает привычной русской графикой»³⁴, однако, «вводя в свои произведения украинский язык, Лесков обращал внимание и на графическое отличие украинских слов, особенно тех, которые писались с буквой „і“»³⁵.

В то же время ученый считает необходимым учитывать и проблемы текстологического характера: «В русской дореволюционной прессе, где публиковались произведения Лескова, такое написание не всегда воспроизводилось. Сейчас, когда в архивах осталось совсем немного рукописей писателя, очень трудно исследовать это»³⁶. Затем Левандовский справедливо отмечает специфику украинского словоупотребления в текстах Лескова, показывая, что использование украинских слов и выражений подано так, «чтобы они были правильно восприняты не только украинским, но и русским читателем»,

²⁹ Ibidem, с. 10.

³⁰ Ibidem, с. 83.

³¹ Ibidem, с. 83–84.

³² Ibidem, с. 85.

³³ Ibidem, с. 85.

³⁴ Ibidem, с. 84–85.

³⁵ Ibidem, с. 86.

³⁶ Ibidem, с. 86–87. Это, впрочем, не мешает констатировать, что «факт верной графической передачи украинских слов также свидетельствует о том, что Лесков знал украинский язык» (с. 87).

поэтому «Лесков даже в авторской речи рядом с малопонятным, по его мнению, украинским словом делал русский перевод или объяснял, чаще всего в скобках, его значение»³⁷, в других же случаях, «для усиления украинского колорита», «после какого-то русского слова приводил его перевод на украинский язык»³⁸.

Идеи Левандовского находят свое продолжение в монографии Виктории Зарвы «Творчество Н. С. Лескова и Украина» (1990)³⁹. Исследовательница указывает, что «новаторство писателя проявляется и в многообразии жанровых модификаций украинской темы, в характере сказовой манеры, специфике образа повествователя, в широком введении и в самих приемах использования украинского фольклора, народной фразеологии, лексических особенностей украинской народной речи»⁴⁰. В этом ею усматривается продолжение традиций Николая Гоголя: «Как и Гоголь, Лесков смело пользуется украинской речью, переплетая ее с русской, вследствие чего возникает яркая словесная смесь»⁴¹. Среди особенностей подобной «смеси» Зарва выделяет употребление деминутивных (уменьшительно-ласкательных) форм народного языка, тавтологий, оригинальное применение синонимов, когда украинские и русские слова составляют синонимический ряд, совмещение прилагательного на русском языке и существительного на украинском, использование «готовых» украинских слов в неожиданном значении, использование в одном предложении большого количества однородных сказуемых, часто представленных украинским словосочетанием и русским словом, употребление слова на русском языке с его переводом на украинский⁴². Все это, по мнению ученой, составляет «особенности стиля „украинских“ произведений Лескова, во многом близкого гоголевскому стилю», особенности, которые, однако, «сложилась не в результате подражания Гоголю, а вследствие обращения писателей к одним и тем же фольклорным источникам, в результате творческого использования традиций Гоголя в художественном освоении народной поэзии»⁴³.

Отмечая, что проблема использования Лесковым украинского языка в основном рассматривается в исследованиях, посвященных его связям с Украиной и украинской культурой⁴⁴, не забудем, что она и в целом

³⁷ Ibidem, с. 85.

³⁸ Ibidem, с. 86.

³⁹ ЗАРВА, В.: *Творчество Н. С. Лескова и Украина*. Киев: Лыбидь, 1990.

⁴⁰ Ibidem, с. 10.

⁴¹ Ibidem, с. 35.

⁴² Ibidem, с. 35–37.

⁴³ Ibidem, с. 37.

⁴⁴ В основном это труды украинских исследователей. См.: ДЗЫК, Р.: *Украинское лесковедение*. In: *Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лесковедения*. Ed. Ivo Pospišil. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, 2018, с. 51–69.

неоднократно привлекала к себе внимание, начиная с первых же литературоведческих монографий о русском писателе. Так, Леонид Гроссман в книге «Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика» (1945) констатировал, что «в киевские годы своей биографии Лесков отлично овладел украинским языком, которым широко пользовался впоследствии в своих произведениях»⁴⁵. Обратив конкретное внимание и на украинизмы в творчестве Лескова, ученый усматривает в этом «забавную словесную смесь»: «Широко обогатился язык будущего писателя за годы его жизни в Киеве. Он полюбил украинский говор, который нередко целым потоком вводил в свои рассказы и повести, переплетая его с русским и создавая чрезвычайно живую, яркую и забавную словесную смесь; в этом направлении он пошел гораздо дальше Гоголя, придав некоторым своим созданиям густой колорит Полтавщины или Киевщины. Отсюда и ряд произвольных украинизмов в других произведениях Лескова»⁴⁶. Аналогичные рассуждения встречаются также и в книге Валентины Гебель «Н. С. Лесков. В творческой лаборатории» (1945): «Говоря об источниках языка Лескова, следует указать и на украинскую речевую стихию, обогатившую его язык за годы пребывания в Киеве. Лесков, по примеру Гоголя, широко и смело вводил в русскую речь украинскую лексику, свойственные ей обороты, достигая этим нужного ему языкового колорита»⁴⁷. Подобные примеры можно множить: «Без Киева того редкостно яркого, а вместе и столь оригинально мыслящего художника, каким мы знаем Николая Лескова, у России не было бы [...] Киевский период обогатит палитру писателя смесью русского слова с украинским, ощущением „прекрасной малороссийской поэзии“ [V, 348], собственно украинскими народнопоэтическими сюжетами»⁴⁸; «Украинская тема занимает особое место в творчестве Лескова. [...] Целая часть „Блуждающих огоньков“ — „украинская“. [...] Здесь молодому Праотцеву-Лескову нравится все. О малороссийском наречии он говорит, что оно „мне всегда нравилось и нравится поныне“ (V, 328). Многие пассажи „Блуждающих огоньков“ расцвечены украинскими словами, придающими особую смачность повествованию»⁴⁹; «Полонизмы наряду с укра-

⁴⁵ ГРОССМАН, Л.: *Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика*. Москва: ОГИЗ, 1945, с. 35.

⁴⁶ *Ibidem*, с. 274–275. Гроссман приводит примеры, возможно, заимствованные из наблюдений Рейсера и Филиповича.

⁴⁷ ГЕБЕЛЬ, В.: *Н. С. Лесков. В творческой лаборатории*. Москва: Советский писатель, 1945, с. 187–188.

⁴⁸ ГОРЕЛОВ, А.: *Н. С. Лесков и народная культура*. Ленинград: Наука, 1988, с. 23, 34.

⁴⁹ МАРКАДЭ, Ж.-К.: *Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006, с. 327.

иниизмами (хотя полонизмов, конечно, меньше) — частые гости в лесковских текстах»⁵⁰ и пр.

Таким образом, насыщенность произведений Лескова украинской лексикой не уходила из поля зрения ученых, в большинстве случаев, однако, ограничиваясь простой констатацией факта. Начиная с замечания Рейсера о влиянии на Лескова украинской языковой стихии⁵¹, которому вторили слова Филиповича о том, что «это все — тема для специальных лингвистических исследований»⁵², вопрос о необходимости специальных исследований в этом плане уже был поставлен.

Лингвистические исследования произведений Лескова открываются, по-видимому, работами Н. Антошина⁵³. На сегодня в этом русле наличествует уже немало разысканий, которые, однако, чаще всего обходят стороной украинскую лексику. В качестве характерных примеров можно назвать диссертацию Веры Хакрид (Wera Litwinzeff Huckriede) «Лексический анализ прозы Николая Лескова» (1975), где наличествует всего один образец «киевского диалекта»⁵⁴, или монографию Валентины Леденёвой «Слово Лескова», «посвященную описанию слова как единицы идиолекта самобытного русского писателя, знатока народной речи Николая Семёновича Лескова»⁵⁵, где безглаголю упомянуто употребление писателем всего лишь одного украинизма⁵⁶.

В аспекте изучения украинской лексики в лесковских текстах самой обстоятельной, пожалуй, следует считать монографию немецкого ученого Вольфганга Гирке (Wolfgang Girke) «Исследование по языку Н. С. Лескова» (1969)⁵⁷, исходящую из твердого убеждения в том, что «слава Лескова как

⁵⁰ ГАЕВА, Е.: *О посмертной правке в современных собраниях сочинений Н. С. Лескова*. In: *Преподаватель XXI век*. 2014, № 3, с. 376.

⁵¹ РЕЙСЕР, С.: *Лесков та українська культура*, с. 205.

⁵² ФИЛИПОВИЧ, П.: *Український елемент в творах М. Лескова*, с. XXXVII.

⁵³ АНТОШИН, Н.: *Язык и народно-бытовая лексика и фразеология в рассказах Н. С. Лескова*. Диссертация кандидата наук. Киев, 1947; АНТОШИН, Н. С.: *Народный юмор и народная этимология в произведениях Н. С. Лескова*. In: *Научные записки (Ужгородский гос. ун-т)*. Том VI. Историко-филологическая серия. Ужгород: Областное книжно-журнальное изд-во. 1952, с. 25–36; АНТОШИН, Н.: *О языке Н. С. Лескова*. In: *Наукові записки (Ужгородський держ. ун-т)*. Том XXXVII. Філологія. Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1959, с. 70–97.

⁵⁴ HUCKRIEDE, W. L.: *A lexical analysis of Nikolaj Leskov's prose*. M.A. Thesis, University of British Columbia, 1975, p. 21.

⁵⁵ ЛЕДЕНЁВА, В.: *Слово Лескова*. Москва: ИИУ МГОУ, 2015, с. 2.

⁵⁶ Ibidem, с. 196.

⁵⁷ GIRKE, W.: *Studien zur Sprache N. S. Leskovs*. München: Sagner, 1969. В монографии много скрупулезных и ценных наблюдений. Однако отдельные исследователи отмечают присутствие и ряда неточностей относительно украинизмов, ошибочно причисленных к диалектизмам (см.: ЭСАНОВ, У.: *Об особенностях употребления украинизмов и архаизмов в произведениях Н. С. Лескова*. In: *Ўзбекистонда хорижий тиллар*. 2019, № 2, с. 23–29).

писателя заключается главным образом в специфике его речи»⁵⁸. Проблеме «украинский язык у Лескова» в монографии посвящен отдельный раздел, затрагивающий ряд важных вопросов. Как акцентирует Гирке, «Лесков почти двадцать лет работал с украинским языком, который, пожалуй, был ему ближе, чем родной диалект Орла»⁵⁹. Во-первых, поднимая вопрос об «украинской графике» у писателя, исследователь итожит, что «в воспроизведении украинского языка Лесков пошел дальше, чем Гоголь или Короленко»⁶⁰. Во-вторых, он стратифицирует «слова автора» и «иллюзию прямой речи»⁶¹. Украинская лексика и фразеологизмы выполняют здесь двоякую функцию: «1) передают украинский колорит; 2) передают индивидуальные способы высказывания рассказчика или отличную от автора точку зрения и способствуют подчеркиванию подлинности сказанного»⁶². По мнению Гирке, «таким образом автор может оправдывать утверждения, якобы находящиеся вне сферы его опыта, следовательно, он формирует впечатление, будто сказанное не является вымышленным, а имело место на самом деле»⁶³.

Особо Гирке рассматривает язык действующих лиц, замечая, что «украинский язык используется не всеми персонажами в равной степени», обладает стилистическими различиями, имеет различные сферы применения. Ученый выделяет три группы персонажей: «1) персонажи, которые почти исключительно используют украинский язык; 2) персонажи, которые пользуются украинским языком только периодически; 3) персонажи, которые пользуются смешанной речью»⁶⁴. Общая черта первой группы состоит в том, что такие персонажи играют в событиях второстепенную роль и, за немногими исключениями, принадлежат либо к низшим слоям духовенства, либо являются прислугой⁶⁵.

В качестве примера второй группы ученый приводит заглавного героя рассказа «Фигура». Только в начале и в конце композиционного обрамления Фигура как рассказчик почти исключительно использует украинскую речь, хотя в рассказываемом им повествовании украинские элементы практически отсутствуют. Гирке предлагает весьма убедительное объяснение: «Фигура в обрамлении занимает иной социальный статус, нежели во внутреннем рассказе. Автор представляет его как крестьянина и продавца овощей, в „сказе“ он

⁵⁸ GIRKE, W.: *Studien zur Sprache N. S. Leskovs*, S. 1.

⁵⁹ Ibidem, S. 165.

⁶⁰ Ibidem, S. 166.

⁶¹ Ibidem, S. 172.

⁶² Ibidem, S. 174.

⁶³ Ibidem, S. 175.

⁶⁴ Ibidem, S. 177.

⁶⁵ Ibidem.

сам сообщает о своей офицерской службе. Рассказ о завершении его офицерской карьеры и начале крестьянской деятельности обозначается языковым сдвигом, внезапно Фигура переходит с русского на украинский язык. Думается, что при этом сфера компетенций обоих языков четко определяется. Благодаря офицерскому званию Фигура перестает быть украинцем, а соотносится с наднациональным сообществом армии Российской империи, поэтому должен говорить на общепонятном языке [...]. Начало крестьянской деятельности позволяет ему вернуться к знакомому языку». Немецкий ученый отмечает главную причину смены речевой установки персонажа: «В этом рассказе Лесков осознанно или неосознанно касается проблемы языка меньшинств в многонациональном государстве, в котором различными институтами руководят из центра»⁶⁶.

Относительно «смешанной речи», которую представляет третья группа, исследователь уточняет, что она «является не настоящей, а скорее искусственной», служа для передачи украинского колорита⁶⁷. Гирке указывает, что в таком непоследовательном смешении украинского и русского языков нет универсального принципа, ограниченного определенными текстами или персонажами. По его убеждению, «функция этой смешанной речи заключается в том, чтобы постоянно указывать читателю на украинскую окраску речи, без того, чтобы воспроизводить абсолютно чистый и для российского читателя не обязательно понятный украинский язык»⁶⁸. Таким образом, мотивация перехода с русского на украинский язык может, по мнению ученого, иметь разные объяснения (например, в некоторых случаях переход с русского на украинский мотивируется через указание на душевное настроение рассказчика⁶⁹). При этом украинский язык в произведениях Лескова интерпретируется «как язык, чья сфера применения не ограничивается только географически, но и имеет отношение к обществу, духовности и морали»⁷⁰. В конечном итоге Гирке рассматривает употребление украинского языка в качестве «приема контраста» (между автором и героями, между самими героями, между украинцами и русскими)⁷¹.

Среди других работ этого плана следует упомянуть диссертацию Кетрин Бауэрс (Catherine D. Bowers)⁷², посвященную «тем рассказам Лескова, в ко-

⁶⁶ Ibidem, S. 177–178.

⁶⁷ Ibidem, S. 178.

⁶⁸ Ibidem, S. 179.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ibidem, S. 181.

⁷¹ Ibidem, S. 182.

⁷² BOWERS, C. D.: *Leskov's Ukrainian Stories*. Dissertation. Bryn Mawr College. 1979. К сожалению, эта работа нам не доступна. Мы имели возможность ознакомиться только с небольшой статьей:

торых действие происходит на фоне украинской жизни и автор прибегает к сильно украинизированной речи»⁷³, а также статью Яны Петровой (Janna Petrova), где, в частности, в заслугу Лескову ставится, что он «привлек внимание общественного мнения к историческому значению украинского языка и к его праву на признание самостоятельным литературным языком, независимым от русского»⁷⁴. Исследовательница отмечает, что подобная позиция требовала мужества и независимости суждений, поскольку она противоречила официальной позиции царского правительства⁷⁵.

Особого внимания⁷⁶ заслуживает еще одна статья той же исследовательницы, где анализируется русско-украинский язык «Заячьего ремиза» Лескова⁷⁷ и, в частности, определяются критерии выявления украинской лексики в данном рассказе. В качестве украинизмов выделяются: 1) слова, которые принадлежат только к лексике украинского языка; их можно разделить на две группы: слова, имеющие общий корень с русскими (*вражий — вражеский*), и слова, не имеющие такового (*горілка — водка*); 2) слова, присутствующие как в украинской, так и в русской лексике, и украинское региональное происхождение которых обозначено в русской лексике через четкое указание или через аббревиатуры «млрс.», «юж. зап.», «юж.» (*копа, жупан, плахта*); 3) слова с общим корнем, присутствующие в обоих словарях, но с разным значением в двух языках (*пытать*); 4) русские слова с общим корнем в двух языках, которые не принадлежат к украинской лексике, а были украинизированы автором через добавление типичных флексий украинского языка (рус. *откры-л* — укр. *відкри-в* — украиниз. *откры-в*); 5) слова с общим корнем в двух языках, которые не отличаются ни флексиями, ни значением, но должны учитываться, исходя из контекста и носителей языковой общности («*лежу*» — в рус. палатализованное, в укр. нет)⁷⁸.

BOWERS, C. D.: *Nikolaj Leskov's Reminiscences of Kiev: Examples of his Memoir Style*. In: *Harvard Ukrainian Studies*. 1982, vol. VI, no. 4, pp. 477–484. Однако здесь украинская лексика специально не рассматривается.

⁷³ ЭДЖЕРТОН, В.: *Лесков в Англии и Америке*. In: *Литературное наследие*. Т. 101. Неизданный Лесков. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000, кн. 2, с. 498.

⁷⁴ PETROVA, J.: *N. S. Leskòv e l'Ucraina: la vita, la cultura, il problema religioso e lo "stundismo"*. In: *Slavia*, 1993, no. 2, p. 137.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Подобных целенаправленных исследований украинской лексики в конкретных произведениях Лескова нам больше не удалось найти.

⁷⁷ PETROVA, J.: *La lingua russo-ucraina del Zajačij remiz di N. S. Leskòv*. In: *Torre di Babele: rivista di Letteratura e Linguistica*. 2004, no. 2, pp. 289–307.

⁷⁸ Ibidem, p. 291–292.

Поскольку Лесков был русским писателем и писал для русского читателя, перед ним стояло две проблемы: «с одной стороны, речь украинских персонажей должна была быть украинской, с другой — она должна была быть понятной русскому читателю»⁷⁹. Из этого парадокса, по мнению Петровой, рождается необычный язык произведения — насыщенный украинской лексикой и в тоже время приближающий саму эту лексику к русской⁸⁰. Исследовательница обозначает несколько способов, при помощи которых Лесков разрешает указанную задачу: 1) выбор украинской лексики по принципу ее родства с русской лексикой или знаниями, которыми владеет русский читатель; 2) представление украинской лексики и целых украинских диалогов русским языком; 3) использование украинской фразеологии и пословиц; 4) использование фонетических и морфосинтаксических различий между двумя языками для взаимной лексической трансформации, то есть подражание украинского языка или русского; 5) вставка украинской лексики в русский текст⁸¹. К каждому пункту подобраны многочисленные выразительные иллюстрации.

Еще одним интересным моментом исследования Петровой является подсчет процентного соотношения украинской и русской лексики в рассказе в целом и в разных его частях, описывающих детство и юность героя, службу при архиерее и в полиции. Это позволяет показать, как «язык Перегуда русифицируется параллельно с русификацией его взглядов, его жизни и, возможно, его психики»⁸², а заодно и доказать, насколько осознанно Лесков использовал в произведении украинскую лексику. В целом, работа Петровой на примере анализа одного произведения предлагает весьма продуктивную методологию исследования украинской лексики, которую с успехом можно применять для анализа остальных «украинских» текстов Лескова.

Как видим, украинская лексика в лесковских текстах систематически привлекает внимание исследователей, и здесь «Печерские антики» не составляют исключения. Кроме уже упомянутых работ Белецкого, Рейсера, Филиповича и пр., следует назвать еще ряд исследований, бегло затрагивающих проблему украинской лексики и в «Печерских антиках» — это разыскания Татьяны Маевской⁸³, Николая Зариц-

⁷⁹ Ibidem, p. 294.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Ibidem, p. 304.

⁸³ МАЕВСКАЯ, Т.: Пленительный образ Украины (О «печерских антиках», «малороссах и кацапах» и юном Гоголе в творчестве Н. С. Лескова. In: Русский язык и литература в средних учебных заведениях Украины. 1991, № 12, с. 51–53.

кого⁸⁴, Галины Соболевской⁸⁵, Ольги Крюковой⁸⁶. Тем не менее, работа, которая целенаправленно рассматривала бы украинскую лексику именно в «Печерских антиках», по всей видимости, еще не написана.

Особо следует сказать о комментированных изданиях, включающих текст «Печерских антиков», где составители, редакторы, авторы примечаний посчитали необходимым соответственно выделить украинскую лексику. Наиболее полными в этом формате являются примечания Бориса Бухштаба к 11-томному собранию сочинений Лескова (1958)⁸⁷. Приведем ниже весь тот небольшой перечень слов, обозначенных здесь как «укр.»: *бессоромние* — бесстыдные; «*фиранки*» — оконные шторы: *шибка* — оконное стекло; *перекупка* — торговка; «*бій хлопа по потылице*» — бей мужика по затылку; *слимак* — послушник; *ледачий піп* — негодный поп; «*карнавка*» — церковная кружка для сбора денег; *звіткля* — откуда; *не побачите* — не увидите; *выбачайте* — извините; «*впрост — до батюшки, до господы*» (не указано, что укр., но явствует из объяснения) — прямо до батюшки, до дому. В последующих изданиях «Печерских антиков» часть этих слов остается без комментариев, а некоторые толкования отличаются от приведенных выше.

Примечания Бухштаба к 6-томному собранию сочинений (1973)⁸⁸ корректируют только одно из толкований: *выбачайте* — простите, не гневайтесь. В примечаниях Ирины Столяровой к 2-томнику избранных произведений (1977)⁸⁹ ряд комментариев отсутствует, например: *бессоромние*, «*бій хлопа по потылице*», «*карнавка*», *не побачите*, «*впрост — до батюшки, до господы*»; отличаются: *фиранки* — шторы на окнах, *ледачий піп* — плохой, ленивый поп. В примечаниях Аллы Шилаевой к 12-томному собранию сочинений (1989)⁹⁰ не получили объяснения: *звіткля*, *не побачите*, *выбачайте*, «*впрост — до батюшки, до господы*»; отличаются: *шибки* — оконное стекло, *ледачий*

⁸⁴ ЗАРИЦКИЙ, Н.: Неутомимый охотник за своеобразным оригинальным человеком (Киев в языке произведений Н. С. Лескова). In: Русистика. Сборник научных трудов. Киев: Издательско-полиграфический центр «Київський університет», 2001, вып. 1, с. 41–46.

⁸⁵ СОБОЛЕВСЬКА, Г.: Українська тема в мемуаристичних повістях М. С. Лескова 1870–1880 рр. In: Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство. 2013, № 13, с. 98–102.

⁸⁶ КРЮКОВА, О.: Украинская тематика в творчестве Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, А. И. Куприна. In: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. Москва: ИНИОН РАН, 2016, ч. 3, с. 660–667.

⁸⁷ ЛЕСКОВ, Н.: Собрание сочинений. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958, т. 7, с. 521–537.

⁸⁸ ЛЕСКОВ, Н.: Собрание сочинений. В 6 т. Москва: Правда, 1973, т. 4, с. 423–434.

⁸⁹ ЛЕСКОВ, Н.: Избранное. В 2 т. Москва: Художественная литература, 1977, т. 2, с. 477–479.

⁹⁰ ЛЕСКОВ, Н.: Собрание сочинений. В 12 т. Москва: Правда, 1989, т. 10, с. 404–410.

nin — ленивый поп. В примечаниях той же исследовательницы к сборнику произведений «Заметки неизвестного» (1989)⁹¹ отсутствуют: *звіткля, не побачите*; отличаются: *шибки* — оконное стекло, *перекупка* — пренебрежительное название торговца, *ледачий nin* — ленивый поп; без указания «укр.»: *выбачайте* — извините. К более удачным изменениям у Столяровой и Шилаевой можно отнести уточнения значения «*ледачий*» как «*ленивый*». Менее удачными выглядят у Шилаевой замены множественного числа «*шибки*» на единственное «*оконное стекло*» и женского рода «*перекупка*» мужским «*торговца*». Как видим, наличие толкований украинских слов в примечаниях sporadично, их мотивацию сложно объяснить. Даже самые полные в этом отношении примечания Бухштаба не учитывают всю украинскую лексику «*Печерских антиков*».

Более подробно рассмотрим ее ниже⁹².

Итак, чаще всего украинская лексика встречается в прямой речи персонажей. В большинстве случаев такая речь подается отдельными абзацами через тире.

Чумаки:

«— *Годи тебе кричать, — говорят, — вот туточка сей лекарь живет, тільки що він тепер, як и усе християнство, спочивае.*

У Николавры дома, кто-то из прислуги:

«— *Кто се такій, и чого вам треба?»;*

«— *Никуда вам скакать дальше не треба, потому что всепомогающий доктор Николавра здесь живет, но он теперь, як и усе християнство, спит. А вы майте собі трохи совісти, и если в господа бога веруете, то не колотайте так крепко, бо наш дом старенький, еще не за сих времен, и шибки из окон повыскакують, а тут близко ни якого стекольщика нет, а теперь зима лютая, и с малыми детьми смерзти можно.*

Управитель бибииковской тещи:

«— *Отчиняйте скорей, або я все окна побью, — мне надо всепомогающего лекаря Николавру, который всякую боль излечивает. Здесь он или нет, а то я должен дальше скакать его разыскивать.*

Классик:

«— *Ось у писании правда сказано, що „хлоп як був собі дурень, так він дурнем и подохне“»;*

«— *Тоже, видать, правда, що каже апостол Павел...*»

Отец Евфим (Юхвим):

⁹¹ ЛЕСКОВ, Н.: *Заметки неизвестного. Рассказы, очерки и повесть*. Москва: Правда, 1989, с. 483–491.

⁹² Примеры поданы за: ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958, т. 7. Украинскую лексику отмечаем курсивом.

«— Столько я, ледачий піп, нагрішив, що бог вже змилювався надо мною и дав мені слезы, щоб плакати діл моих горько. Не можу служити, не плачучи»;

Дьячок Константин (Котин):

«— Я вже часто не здужаю, бо став старый; але що маю подіяти, як робити треба»;

«— Бо духовному лицу треба бути в трудех бденных»;

«— Тиі богомулы, що у лавру до святых поприходили, — говорил он, — тих я до себе зтягти не можу, не про те, що мій храм такій малесенькій, а про те, що лавра на такім пути, що її скрізь видно. Од них вже нехай лаврикові торгуют. А що до подольских, або до Десятинного, то сіи вже нехай собі пальци поссуть, як я им дам що уторгувати и необібранных богомулів спуцу им»;

«— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церковці Ивана Золотоустого!»;

«— Идить же, идить до храму святого... усходьте... я вам одну таку святыньку покажу, що ніде її не побачите»;

«— Ну та що там таке у святого Владимира? — начинал он с неодолимою смелостию ученого критика. — Бог зна, чи що там есть, чи чого нема. Він собі бувничого, добрый князь; але, як усі чоловіки, мав жінку, да ще не единую. Заходьте до мене, я вам свячену штучку покажу, що святив той митрополит Евгений, що під софійским під полом лежить... Евгений, то, бачите, був ений (Котин почему-то не говорил „гений“);»

«— Боже благослови, боже благослови!.. Умыхся еси, отерся еси... Вот так: умыхся и отерся... И сей умыхся... Як тебя звать?»;

«— Ну вот и добре — и Петро умыхся, отерся... То наш ений Евгений сей воздух святив... цілуйте его, християне, собі на здоровье... души во спасение... во очищение очес... костей укріпление...»;

«— Идїть теперички, християне, куди собі хочете, — хоть и до святого Владимира»;

«— Наш батюшка, — говорил Котин, — завжди в розході, бо его люди дуже люблять».

Мужики (богомулы):

«— Мы, выбачайте, на Подол йдемо, та до князя Владимира».

Значительно меньше встречаем украинской лексики в прямой речи, вплетенной в слова рассказчика.

Классик: «что кто привез, с того и по штучке, — щоб нікому не було обиды»; «як от бога показано»; «божого писания»; «казав бити по потылице».

Котин: «напоклоняется усім святым печерским, потім того до Варвары, а потім Макарию софійському, а потім вже геть просто мимо Ивана до Андрея и Десятинного и на Подол»; «трохи не вытрусит»; «звіткля се

вы?»; «як у вас сей год *житечко зародило?*»; «*ужить табáки*»; «*впрост — до батюшки, до господы*» (с объяснением: «то есть на двор к отцу Евфиму»); «богомудлы шли *опустошени*».

В одной из цитат (из «*акафиста матери Кукурузе*», который был сложен студентами Киевской духовной академии): «*рыбы купити*»; «*николи*».

Отдельно следует говорить об украинской лексике, взятой в кавычки, но не относящейся к конкретным персонажам. Ее можно отнести к условной категории «так здесь говорят»: «*мешкали бессоромние дівчата*»; «*горілкою, с ковбасами, с салом и рыбицею*»; «*крестовские дівчатки*»; «*крестовых дівчат*»; «*фиранки*»; «*карнавка*». Иногда подобные слова сопровождаются авторскими пояснениями («деготь или колесная смола, по-малороссийски „*коломазь*“»), иногда подаются без кавычек (*слимаки*).

И, наконец, слова, являющиеся собственно украинизмами. Например, *перекупки*, различные вариации к слову «хата» (*хаточки, хаточек*). А также собственные имена (*Юхвим, Карасивна, Пиднебесная*).

Мы сознательно сократили выявленное нами количество украинской лексики, не приводя примеры, которые могли бы считаться спорными. Кроме того, мы не выделяли в примерах и совпадающие в написании с русскими украинские слова, хотя, по справедливому убеждению Петровой, и они должны были бы учитываться, исходя из контекста и речевой атрибуции персонажа. Так, «*поприходили*» в устах Котина должно звучать по-украински «*поприходили*». Во многих случаях предполагается украинское звучание, что также позволяет подобные варианты причислять к украинской лексике. Даже абсолютно идентичное написание и звучание отдельных слов в украинском и русском языках не исключает их соответствующей интерпретации в прямой речи по-украински. Тут следует учитывать отмеченный Петровой парадокс, когда, вследствие ориентации на русскоязычного читателя, украинизация речи у Лескова сопровождалась ее встречной русификацией. Таким образом, большинство украинской лексики в «Печерских антиках» следует относить к «характеризующей» (по Рейсеру).

Рассмотренный материал также убеждает в справедливости наблюдения Гирке относительно принадлежности персонажей, использующих почти исключительно украинский язык, к низшим слоям духовенства или прислуге. Таковым является дьячок Котин, речь которого в основном представляет смесь украинского и церковнославянского языков. Сюда же можем отнести мужиков (богомудлов).

Чумаки и прислуга в доме Николавы используют смешанную речь. Здесь следует учитывать, что в силу своего положения они имеют более тесный контакт с русскоязычной средой и отвечают в этих конкретных случаях

на русскоязычные обращения управителя бибииковской тещи. И, наоборот, после таких ответов в речь самого управителя вплетаются украинские слова. Смешанной речью, к которой примешана еще и латынь, пользуется также и прозванный *классиком* квартальный, «*полухохол-полуполяк*» по своему происхождению.

Попа Ефима можно было бы причислить к персонажам, которые пользуются украинским языком только периодически (по той же классификации Гирке), поскольку в главе, в которой читатель с ним знакомится, он говорит только на украинском языке, а в последующих — только на русском. Однако здесь можно предположить и более сложный авторский замысел. После представления читателю Евфимия Ботвиновского, «*которого все в Киеве знали просто под именем „попа Ефима“, или даже „Юхвима“*», с его колоритной украинской речью, Лесков, возможно, посчитал это вполне достаточным для того, чтобы персонаж уже достаточно выпукло был явлен читательскому восприятию. А, возможно, украинский язык Ефима мотивирован другой авторской задачей: общение с паствой или соответствующее душевное настроение, поскольку с другой публикой (например, митрополитом) Ефим переходит на русский.

В авторской речи, в отличие от «характеризирующей», мы обнаруживаем сравнительно мало украинской лексики — ее присутствие практически всегда подчеркнуто употреблением кавычек или прямым указанием (напр., *по-малороссийски*). Незначительно также количество собственно украинизмов.

Изучение украинской лексики в творчестве Лескова сопровождается также одной важной проблемой, отмеченной в свое время еще Филиповичем: «...изучать украинский языковой элемент в произведениях Лескова надо на основании его рукописей, потому что в печати, безусловно, появлялись ошибки — это довольно обычное явление, когда украинские тексты, хотя бы и в русской орфографии (а у Лескова случается и украинская), печатаются в России»⁹³. Однако рукописей Лескова, как известно, сохранилось не так много, а большинство изданий текстов базируется на прижизненном собрании сочинений. При этом текстологическая работа не всегда проводилась качественно⁹⁴. В комментариях Бухштаба указано, что произведение «*Печерские антики*» вошло в прижизненное собрание сочинений

⁹³ ФИЛИПОВИЧ, П.: *Український елемент в творах М. Лескова*, с. XXXVII.

⁹⁴ См. например: ГАЕВА, Е.: *О посмертной правке в современных собраниях сочинений Н. С. Лескова*, с. 365–379.

«с изменениями преимущественно стилистического характера и небольшими сокращениями»⁹⁵.

Представляется весьма интересным проследить эти изменения в аспекте украинской лексики, сравнив текст с первым печатным вариантом в «Киевской старине». В отдельных случаях украинская лексика изменялась Лесковым в сторону приближения к русскому языку: «*просте платье*»⁹⁶ → «*простое платье*»; «*полювал*»⁹⁷ → «*полевал*», «*переловливал богомулов*» → «*перелавливал богомулов*». В других же случаях — наоборот: «*святыню*»⁹⁸ → «*святыньку*»; «*никуда вам скакать дальше не нужно*»⁹⁹ → «*никуда вам скакать дальше не треба*». Находим также вставки с украинской лексикой, отсутствующие в первом варианте: «*„Як тебе звать?“ „Богомул“ відповідає: „Петро“ или „Михал“. — Ну вот и добре — и Петро умыхся, отерся...*».

Наконец, в связи с украинской лексикой в «Печерских антиках» возникает вопрос о возможности ее перевода на иностранные языки, особенно — на украинский. Трудность и даже невозможность перевода Лескова не раз отмечались исследователями и переводчиками. И тут вполне можно согласиться с Морисом Бэрингом, что «этот писатель принадлежит к числу наиболее трудных для перевода»¹⁰⁰. В частности, Ефим Эткинд констатировал: «*Не знаю другого русского автора, который был бы способен к такому невероятному, „кривому“, фантастическому словоупотреблению, как Лесков*»¹⁰¹. Жан-Клод Маркадэ называет это особым «поэтическим диалектом»: «*Писатель создает настоящий поэтический диалект, манеру письма, которая объединяет все лексические и синтаксические регистры русского языка, все его стилистические приемы и лингвистические механизмы в одном пестром, богато окрашенном и тонко нюансированном говоре. Поэтому переводчик лесковской прозы сталкивается с теми же трудностями, что и переводчик поэтического текста, и любой перевод [...] бессилён передать полностью этот аспект его творчества*»¹⁰².

⁹⁵ ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т, т. 7, с. 521.

⁹⁶ ЛЬСКОВЬ, Н.: *Печерські антики*. In: *Кієвська старина*, 1883, т. V, Февраль, с. 236.

⁹⁷ ЛЬСКОВЬ, Н.: *Печерські антики*. In: *Кієвська старина*, 1883, т. V, Априль, с. 692.

⁹⁸ *Ibidem*, с. 695.

⁹⁹ ЛЬСКОВЬ, Н.: *Печерські антики*, т. V, Февраль, с. 253.

¹⁰⁰ Цит. по: *Литературное наследие*. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). Москва: Наука, 1982, с. 7. См. также заметки переводчиков в: LESKOV, N.: *The enchanted wanderer and other stories*. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Alfred A. Knopf, 2013; LESKOV, N.: *La pulga de acero*. Traducción del ruso a cargo de Sara Gutiérrez. Madrid: Impedimenta, 2007.

¹⁰¹ ЕТКИНД, Е.: *Несколько замечаний по поводу перевода лесковской прозы на иностранные языки*. In: *Revue des études slaves*. 1986, vol. 58, no. 3: Nikolaj Semenovič Leskov, p. 413.

¹⁰² МАРКАДЭ, Ж.-К.: *Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники*, с. 11.

Эткинд указывает, что «в связи с переводом Лескова встают все переводческие проблемы, какие знают теория и практика»¹⁰³. Особенно, по его убеждению, это проявляется на уровне иноязычных элементов: «Трудности перевода Лескова на французский, голландский, немецкий, итальянский, английский специфичны. В каждом из названных языков есть свои особые возможности передачи, например, украинизмов¹⁰⁴ Лескова, или других иноязычных элементов. Германские элементы в языке Лескова ставят специфическую проблему для перевода на французский, где она сравнительно легко разрешима; для английского, где это труднее, но тоже возможно, и для немецкого, где это вообще в сущности невозможно, потому что их надо заменять другим языком; но если заменить немецкий другим языком, то изменится вся культурная сфера, изменится содержание»¹⁰⁵. Именно аналогичная ситуация и возникает с переводом «украинских» произведений Лескова на украинский язык.

«Печерские антики» трижды переводились на украинский язык. Причем первый перевод, принадлежавший Омеляну Калитовскому, появился почти сразу после оригинала — в 1883 году — под названием «Печерскі чудаци»¹⁰⁶. Перевод неполный и весьма вольный. Можно согласиться с Левандовским, что он «больше похож на пересказ с элементами публицистичности»¹⁰⁷. Это подтверждается, в частности, изменением «антиков» на «чудаков». Впрочем, подобная интерпретация не противоречит замыслу Лескова (один из ранних вариантов названия — «Печерские чудотворы»¹⁰⁸), а употребление слова «антик» с переносным значением «чудак» в те времена было достаточно распространенным¹⁰⁹. Не затрагивая качества данного перевода, предлагаем сравнить один его фрагмент с оригиналом, напечатанным в «Киевской старине».

У Лескова:

¹⁰³ЕТКИНД, Е.: *Несколько замечаний по поводу перевода лесковской прозы на иностранные языки*, р. 417.

¹⁰⁴Не все переводчики могли бы с этим согласиться. Например, немецкий переводчик «Старинных психопатов» И. фон Гюнтер отмечал невозможность перевода украинского языка, придающего истории «самобытный и шушливый оттенок» (см.: GIRKE, W.: *Studien zur Sprache N. S. Leskovs*, S. 2.). — Р. Д.

¹⁰⁵ЕТКИНД, Е.: *Несколько замечаний по поводу перевода лесковской прозы на иностранные языки*, р. 418.

¹⁰⁶ЛЪБСКОВЪ, Н.: *Печерскі чудаци*. In: *Зоря*, 1883, ч. 19, с. 301–302; ЛЪБСКОВЪ, Н.: *Печерскі чудаци*. In: *Зоря*, 1883, ч. 20, с. 316–317; ЛЪБСКОВЪ, Н.: *Печерскі чудаци*. In: *Зоря*, 1883, ч. 22, с. 347–349; ЛЪБСКОВЪ, Н.: *Печерскі чудаци*. In: *Зоря*, 1883, ч. 24, с. 376–378.

¹⁰⁷ЛЕВАНДОВСЬКИЙ, Л.: *М. С. Лесков і українська література*, с. 178.

¹⁰⁸ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т., т. 7, с. 522.

¹⁰⁹См.: ГАЕВА, Е.: *Карьера «антика» в XIX веке*. In: *Вестник Курганского государственного университета*. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 2. 2006, № 3, с. 124–128.

«— Годи тебеъ кричать, говорятъ, вотъ туточка сей лъкаръ живетъ, тільки що вінъ теперъ, якъ и усе християнство, спочивае. [...]

— Никуда вамъ скакать дальше не нужно, потому что всепомогающій докторъ Николавра здѣсь живетъ, но онъ теперъ, якъ и усе християнство, спитъ. А вы майте собі трохи совѣсти и если въ Господа Бога вѣруете, то не колотайте такъ крѣпко, бо нашъ домъ старенькій, еще не за сихъ временъ, и шибки изъ оконъ повыскакують, а тутъ близко ни якого стекольщика нѣтъ, а теперъ зима лютая и съ малыми дѣтьми смерзти можно»¹¹⁰

Перевод:

«„Годъ тобѣ кричати, отъ туточка сей лъкаръ живе, тілько що онъ теперъ, якъ и все християнство, спочивае“. [...]

„Не треба вамъ дальше пѣдбѣгати“, говорятъ, „всепомогающій докторъ Николавра живе тутечка, тількожь онъ теперъ, якъ и все християнство, спитъ. А вы майте собѣ трохи совѣсти и если въ Господа Бога вѣруете, то не стукайте такъ крѣпко, бо нашъ дѣмъ старенькій, и шибки зъ ѣконъ повыскакують, а ту близько нема шкляря, а теперъ зима люта и зъ малыми дѣтьми можна змерзнути“¹¹¹.

Этот специально подобранный фрагмент, насыщенный украинской лексикой, демонстрирует, помимо прочего, насколько точно Лесков конструировал элементы украинской речи персонажей.

Второй (тоже неполный) перевод принадлежит Степану Васильченко и Михаилу Зерву, вошедший в уже упоминавшийся том избранных произведений (1929[1928])¹¹². Здесь в предисловии подчеркивалось, что эти украинские переводы «представляют попытку найти средства и для воспроизведения своеобразного Лесковского стиля»¹¹³. Однако один из первых рецензентов этого издания Владимир Державин отмечал, что именно это переводчикам, в основном, и не удалось. Причем главным образом из-за трудностей передачи «неологической русско-украинской „речи“ (сказа)»¹¹⁴. Приводя фрагмент лесковского текста из особенно «украинского» «Заячьего ремиза», Державин спрашивает: «Что значит „перевести“ такой текст на украинский язык?» и предлагает два варианта: «Здесь возможны два противоположных выхода: либо передать все это словами и формами современного литературного языка, или оставить почти все так, как оно

¹¹⁰ЛЪСКОВЪ, Н.: Печерскіе антики, т. V, Февраль, с. 253.

¹¹¹ЛЪСКОВЪ, Н.: Печерскій чудаки, 1883, ч. 20, с. 316.

¹¹²ЛЕСКОВ, М.: Печерські антики. In: Лесков, М.: Вибрані твори. Пер. С. Васильченка та М. Зерова. Вибір та вступ. стаття П. Филиповича. [Київ]: Книгоспілка, 1929[1928], с. 134–177.

¹¹³ФИЛИПОВИЧ, П.: Український елемент в творах М. Лескова, с. XXXVII.

¹¹⁴ДЕРЖАВИН, В.: Про мистецтво перекладу. Статті та рецензії 1927–1931 рр. Вінниця: Нова Книга, 2015, с. 164. (Впервые в: Критика. 1929, № 5, с. 141–144).

есть, заменив только фантастическую орфографию Лескова на современную. Последний выход, думаем, был бы более правильным, потому что стиль Лескова ориентируется в самом оригинале на диалектологическое разнообразие, а никак не на литературную корректность (и в русском, и в украинском языке)¹¹⁵. Державин показывает, что переводчики пытались найти компромисс между этими стратегиями, но, несмотря на некоторые находки, перевод нельзя считать вполне удачным.

Наконец, третий (уже полный) перевод принадлежит Алексею Кундзичу¹¹⁶, который в основном придерживался первой из обозначенных в отзыве Державина стратегий и перевел Лескова современным литературным языком. Державин находил в применении подобного подхода «определенный смысл», который гарантировал бы «настоящий перевод, целостный в отношении языка», но, вместе с тем, это «означало бы принципиально отречься воспроизводить языковой стиль Лескова»¹¹⁷. Перевод Кундзича подтверждает данную оговорку, как минимум, в отношении передачи лесковского «русско-украинского сказа».

Таким образом, проблема предстает практически неразрешимой задачей, с которой сталкивались все украинские переводчики Лескова, побуждая вновь поднять вопрос об эстетической функции украинской лексики в его произведениях. В этом смысле, общим итогом, в различных вариациях встречающимся едва ли не у всех исследователей, могут быть взяты слова Левандовского: «Введение Лесковым разговорного украинского языка способствовало верному воспроизведению местного колорита и реалистическому изображению быта, обычаев и характера украинского народа»¹¹⁸. Как правило, в первую очередь, отмечается присущий лесковским украинизмам эффект комичности, развлекательности, даже порой — трогательной чувствительности. Однако самая важная функция украинской лексики, по нашему мнению, состоит в другом — в том, что она является конкретной составляющей его оригинального художественного языка, или, если угодно, «сказа», «художественного филологизма», «живой, яркой и забавной словесной смеси», «особой смачности повествования», «поэтического диалекта», «невероятного, „кривого“, фантастического словоупотребления» и т. п. Будет справедливым не только констатировать, что украинская лексика в произведениях Лескова является следствием его близкого знакомства с бытом, культурой

¹¹⁵Ibidem, с. 161.

¹¹⁶ЛЕСКОВ, М.: *Печерські антики*. In: Лесков, М.: *Вибрані твори*. Пер. О. Кундзіча. Київ: Держлітвидав, 1950, с. 157–222.

¹¹⁷ДЕРЖАВИН, В.: *Про мистецтво перекладу. Статті та рецензії 1927–1931 рр.*, с. 161.

¹¹⁸ЛЕВАНДОВСЬКИЙ, Л.: *М. С. Лесков і українська література*, с. 83.

и литературой украинского народа, но и решительно утверждать, что его «украинские» произведения¹¹⁹, особо «Печерские антики», являются неотъемлемой составляющей и украинского литературного процесса.

Литература

- АНТОШИН, Н.: *Народный юмор и народная этимология в произведениях Н. С. Лескова*. In: *Научные записки* (Ужгородский гос. ун-т). Том VI. Историко-филологическая серия. Ужгород: Областное книжно-журнальное изд-во, 1952, с. 25–36.
- АНТОШИН, Н.: *О языке Н. С. Лескова*. In: *Наукові записки* (Ужгородський держ. ун-т). Том XXXVII. Філологія. Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1959, с. 70–97.
- АНТОШИН, Н.: *Язык и народно-бытовая лексика и фразеология в рассказах Н. С. Лескова*. Диссертация кандидата наук. Киев, 1947.
- БЕЛЕЦКИЙ, А.: *Н. С. Лесков. Личность. Творчество*. Киев, Симферополь: Крымский Архив, 2003.
- БЕЛЕЦКИЙ, А.: *Рассказы и очерки Н. С. Лескова*. In: *Білецький, О.: Зібрання праць*. У 5 т. Т. 4: Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. Київ: Наукова думка, 1966, с. 376–419.
- ГАБЕЛЬ, М.: *Академик А. И. Белецкий — исследователь Н. С. Лескова*. In: *Литературное наследство*. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. Москва: Наука, 1977, с. 631–655.
- ГАЕВА, Е.: *Карьера «антика» в XIX веке*. In: *Вестник Курганского государственного университета*. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 2. 2006, № 3, с. 124–128.
- ГАЕВА, Е.: *О посмертной правке в современных собраниях сочинений Н. С. Лескова*. In: *Преподаватель XXI век*. 2014, № 3, с. 365–379.
- ГЕБЕЛЬ, В.: *Н. С. Лесков. В творческой лаборатории*. Москва: Советский писатель, 1945.
- ГОРЕЛОВ, А.: *Н. С. Лесков и народная культура*. Ленинград: Наука, 1988.
- ГРОССМАН, Л.: *Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика*. Москва: ОГИЗ, 1945.
- ДЕРЖАВИН, В.: *Про мистецтво перекладу. Статті та рецензії 1927–1931 рр.* Вінниця: Нова Книга, 2015.

¹¹⁹К таким, вслед за сыном писателя Андреем Лесковым, можно причислить: «Некрещеный поп», «Путимец», «След ноги богоматери», «Старинные психопаты», «Печерские антики», «Заячий ремиз» (см.: ЛЕСКОВ, А.: *Жизнь Николая Лескова*. Тула: Приокское книжное издательство, 1981, с. 87).

- ДЗЫК, Р.: *Украинское лескововедение*. In: *Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения*. Ed. Ivo Pospíšil. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, 2018, с. 51–69.
- ЕГОРОВ, Б.: *С. А. Рейсер как литературовед и текстолог. К 100-летию со дня рождения*. In: *Звезда*. 2005, № 7. URL: <<http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/7/eg11.html>>.
- ЗАРВА, В.: *Творчество Н. С. Лескова и Украина*. Киев: Лыбидь, 1990.
- ЗАРИЦКИЙ, Н.: *Неутомимый охотник за своеобразным оригинальным человеком (Киев в языке произведений Н. С. Лескова)*. In: *Русистика*. Сборник научных трудов. Киев: Издательско-полиграфический центр «Київський університет», 2001, Вып. 1, с. 41–46.
- КРЮКОВА, О.: *Украинская тематика в творчестве Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, А. И. Куприна*. In: *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 11. Москва: ИНИОН РАН, 2016, ч. 3, с. 660–667.
- ЛЕВАНДОВСЬКИЙ, Л.: *М. С. Лесков і українська література*. Київ: Дніпро, 1980.
- ЛЕДЕНЁВА, В.: *Слово Лескова*. Москва: ИИУ МГОУ, 2015.
- ЛЕСКОВ, А.: *Жизнь Николая Лескова*. Тула: Приокское книжное издательство, 1981.
- ЛЕСКОВ, Н.: *Заметки неизвестного. Рассказы, очерки и повесть*. Москва: Правда, 1989.
- ЛЕСКОВ, Н.: *Избранное*. В 2 т. Москва: Художественная литература, 1977, т. 2.
- ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958, т. 7.
- ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 12 т. Москва: Правда, 1989, т. 10.
- ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 6 т. Москва: Правда, 1973, т. 4.
- ЛЕСКОВ, М.: *Печерські антики*. In: Лесков, М.: *Вибрані твори*. Пер. О. Кундзіча. Київ: Держлітвидав, 1950, с. 157–222.
- ЛЕСКОВ, М.: *Печерські антики*. In: Лесков, М.: *Вибрані твори*. Пер. С. Васильченка та М. Зерова. Вибір та вступ. стаття П. Филиповича. [Київ]: Книгоспілка, 1929 [1928], с. 134–177.
- ЛЪСКОВЪ, Н.: *Печерскій чудаки*. In: *Зоря*, 1883, ч. 19, с. 301–302.
- ЛЪСКОВЪ, Н.: *Печерскій чудаки*. In: *Зоря*, 1883, ч. 20, с. 316–317.
- ЛЪСКОВЪ, Н.: *Печерскій чудаки*. In: *Зоря*, 1883, ч. 22, с. 347–349.
- ЛЪСКОВЪ, Н.: *Печерскій чудаки*. In: *Зоря*, 1883, ч. 24, с. 376–378.
- ЛЪСКОВЪ, Н.: *Печерскіе антики*. In: *Кіевская старина*, 1883, т. V, Февраль, с. 235–268.
- ЛЪСКОВЪ, Н.: *Печерскіе антики*. In: *Кіевская старина*, 1883, т. V, Мартъ, с. 493–527.

- ЛЪБСКОВЪ, Н.: *Печерські антики*. In: *Кієвская старина*, 1883, т. V, Апрѣль, с. 691–708.
- МАЕВСКАЯ, Т.: *Пленительный образ Украины (О «печерских антиках», «малороссах и кацапах» и юном Гоголе в творчестве Н. С. Лескова)*. In: *Русский язык и литература в средних учебных заведениях Украины*. 1991, № 12, с. 51–53.
- МАРКАДЭ, Ж.-К.: *Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники*. Перевод с французского А. Поповой, Е. Березиной, Л. Ефимова, М. Сальман. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006.
- РЕЙСЕР, С.: *Лесков та українська культура*. In: *Записки історично-філологічного відділу Української академії наук*. 1927, кн. XV, с. 200–211.
- СОБОЛЕВСЬКА, Г.: *Українська тема в мемуаристичних повістях М. С. Лескова 1870–1880 рр.* In: *Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки*. Філологічні науки. Літературознавство. 2013, № 13, с. 98–102.
- ФАРЕСОВ, А.: *Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем*. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1904.
- ФИЛИПОВИЧ, П.: *Український елемент в творах М. Лескова*. In: Лесков, М.: *Вибрані твори*. [Київ]: Книгоспілка, 1929[1928], с. VII–XXXVII.
- ЭДЖЕРТОН, В.: *Лесков в Англии и Америке*. In: *Литературное наследство*. Т. 101. Неизданный Лесков. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000, кн. 2, с. 485–504.
- ЭЙХЕНБАУМ, Б.: *«Чрезмерный» писатель: (К 100-летию рождения Н. Лескова)*. In: Эйхенбаум, Б.: *О прозе*. Ленинград: Худож. лит., 1969, с. 327–345.
- ЭЙХЕНБАУМ, Б.: *Лесков и современная проза*. In: Эйхенбаум, Б.: *О литературе*. Москва: Советский писатель, 1987, с. 409–424.
- ЭСАНОВ, У.: *Об особенностях употребления украинизмов и архаизмов в произведениях Н. С. Лескова*. In: *Ўзбекистонда хорижий тиллар*. 2019, № 2, с. 23–29. <<https://doi.org/10.36078/1564983481>>.
- BOWERS, C. D.: *Leskov's Ukrainian Stories*. Dissertation. Bryn Mawr College. 1979.
- BOWERS, C. D.: *Nikolaj Leskov's Reminiscences of Kiev: Examples of his Memoir Style*. In: *Harvard Ukrainian Studies*. 1982, vol. VI, no. 4, pp. 477–484.
- ETKIND, E.: *Несколько замечаний по поводу перевода лесковской прозы на иностранные языки*. In: *Revue des études slaves*. 1986, vol. 58, no. 3: Nikolaj Semenovič Leskov, pp. 413–418. <<https://doi.org/10.3406/slave.1986.5567>>.
- GIRKE, W.: *Studien zur Sprache N. S. Leskovs*. München: Sagner, 1969.
- HUCKRIEDE, W.: *A lexical analysis of Nikolaj Leskov's prose*. M.A. Thesis, University of British Columbia, 1975.

- KOMPANIEC-BARSON, V.: *Идеологическая дилемма: место Лескова в советской литературной критике*. In: *Revue des études slaves*. 1986, vol. 58, no. 3: Nikolaj Semenovič Leskov, pp. 393–400. <<https://doi.org/10.3406/slave.1986.5565>>.
- LESKOV, N.: *La pulga de acero*. Traducción del ruso a cargo de Sara Gutiérrez. Madrid: Impedimenta, 2007.
- LESKOV, N.: *The enchanted wanderer and other stories*. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Alfred A. Knopf, 2013.
- MARCADÉ, J.-C.: *La réception de Leskov par B. M. Èjxenbaum*. In: *Revue des études slaves*. 1985, vol. 57, no. 1: B. M. Èjxenbaum: la mémoire du siècle, pp. 159–168. <<https://doi.org/10.3406/slave.1985.5477>>.
- PETROVA, J.: *La lingua russo-ucraina del Zajačij remiz di N. S. Leskòv*. In: *Torre di Babele: rivista di Letteratura e Linguistica*. 2004, no. 2, pp. 289–307. <<https://doi.org/10.1400/201531>>.
- PETROVA, J.: *N. S. Leskòv e l'Ucraina: la vita, la cultura, il problema religioso e lo "štundismo"*. In: *Slavia*, 1993, no. 2, pp. 133–156.

Контакт

Roman Dzyk, Dr.

The Department of World Literature, Theory of Literature and Slavic Philology,
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
r.dzyk@chnu.edu.ua